

Люси Мод Монтгомери

АНЯ
С ОСТРОВА
ПРИНЦА ЭДУАРДА

Любимые истории
девчонок и мальчишек

Люси Мод Монтгомери

АНЯ с Острова Принца Эдуарда

Рисунки Марии Рязанцевой

Незримый клад найдет лишь тот,
Кто к долгим поискам готов.
Судьбе помочь Любовь придет
Снять с тайных ценностей покров.

Теннисон

Глава 1

ТЕНЬ ПЕРЕМЕН

— Вот и кончилось лето, — сказала Аня Ширли, задумчиво глядя на сжатые поля.

5

Вдвоем с Дианой Барри они собирали яблоки в саду Зеленых Мезонинов, а теперь присели отдохнуть в залитом солнцем тихом уголке, где воздушные стаи пушистых семечек чертополоха проплывали мимо них на крыльях легкого ветерка, все еще по-летнему напоенного ароматом папоротников.

Но все вокруг уже говорило об осени. В отдалении глухо рокотало море, поля лежали обнаженные и сухие, берега ручья окрасил пурпур астр.

— Хорошее было лето, — сказала Диана, с улыбкой крутя па пальце новенькое блестящее колечко. — И свадьба мисс Лаванды оказалась его чудесным завершением. Мистер и миссис Ирвинг сейчас, должно быть, уже на берегу Тихого океана.

— Мне кажется, они уехали так давно, что за это время могли объехать вокруг света, — вздохнула Аня. — Просто не верится, что со дня их отъезда прошла всего неделя... Сколько перемен! Мистер и миссис Аллан тоже уехали.

— А когда миссис Линд собирается переехать в Зеленые Мезонины?

— Завтра. Я рада, что она переезжает к нам... Но это еще одна перемена.

— Мне будет так одиноко, когда ты уедешь, — пожаловалась Диана. — Подумать только! Ты уезжаешь уже на следующей неделе!

— Но сейчас мы все еще вместе, — отозвалась Аня бодро, — и не должны позволить печальям следующей недели отравить нам радость этой. Мне самой неприятна мысль об отъезде. И ты еще жалуешься, что тебе будет одиноко! Это мне надо охать и стонать. Ты остаешься здесь, где столько старых друзей — и Фред! А я буду
6 одна среди чужих!

— Там будет Гилберт... и Чарли Слоан, — вставила Диана, копируя Анину интонацию и лукавую мину.

— Присутствие Чарли Слоана, конечно, станет для меня большим утешением, — с глубочайшей иронией в голосе согласилась Аня, после чего обе эти безответственные девицы весело рассмеялись. Диана отлично знала, что думает Аня о Чарли Слоане, но, несмотря на множество доверительных бесед, для нее оставалось тайной, что думает Аня о Гилберте Блайте.

— Конечно, я рада, что еду в университет, и уверена, что со временем полюблю Кингспорт, — продолжила Аня. — Но все равно буду ужасно скучать по Авонлее.

— У меня такое чувство, что больше никогда ничто не будет по-прежнему, — сказала Диана печально.

— Да, наши пути расходятся, — произнесла Аня задумчиво. — Как тебе кажется, Диана, действительно ли быть взрослыми так приятно, как мы это воображали в детстве?

— Не знаю... Есть в этом кое-что приятное, — ответила Диана, снова с легкой улыбкой лаская свое колечко. — Но иногда я все готова отдать, лишь бы снова стать маленькой девочкой.

— Думаю, со временем мы привыкнем быть взрослыми, — весело заявила Аня. — Постепенно в этом новом положении перестанет быть так много неожиданного для нас... хотя мне все же кажется, что именно неожиданности придают жизни аромат и прелесть. Сейчас нам восемнадцать, еще через два года будет двадцать. Когда мне было десять, я считала, что двадцать лет — это цветущая и бодрая, но все же старость. Очень скоро ты превратишься в степенную матрону средних лет, а я в милую старую деву — тетюшку Анну.

— Глупости! — засмеялась Диана. — Ты выйдешь замуж за кого-нибудь важного, красивого, богатого и будешь задирать нос перед друзьями юности.

— Мой нос совсем неплох, но боюсь, если начать его задирать, это ему повредит. Так что, Диана, обещаю тебе, что, даже если я выйду замуж за короля Больших Людоедских Островов, перед тобой нос задирать не буду.

И с веселым смехом девочки расстались: Диана направилась в сторону Садового Склона, Аня на почту. Там ее ждало письмо, и, когда на обратном пути Гилберт Блайт нагнал ее на мосту через Озеро Сверкающих Вод, она сияла от радости.

— Присилла Грант тоже едет в Редмондский университет! — воскликнула она. — И мы будем жить вместе!

— Думаю, нам понравится Кингспорт, — сказал Гилберт. — Это уютный старинный городок с чудесным природным парком. Я слышал, что местность там величественная и живописная.

— Неужели там может быть красивее, чем здесь? — пробормотала Аня, глядя вокруг влюбленными, восхищенными глазами — глазами того, для кого родной дом всегда остается прелестнейшим местом на свете.

Наслаждаясь очарованием сумерек, Аня и Гилберт стояли над старым прудом, опершись о перила моста, как раз в том месте, где Аня выбралась на сваю из тонущей плоскодонки в тот день, когда Элейн плыла в Камелот. Небо на западе все еще было окрашено нежным багрянцем заката, но луна уже поднималась над горизонтом, и в ее призрачном свете вода казалась серебряной.

— Ты так молчалива, — сказал наконец Гилберт.

8 — Я боюсь говорить или двигаться из страха, что вся эта чудная красота исчезнет вместе с нарушенной тишиной, — шепнула Аня.

Неожиданно Гилберт положил ладонь на тонкую белую руку, лежавшую на перилах моста. Но Аня отдернула руку и отвернулась. Чары сумерек были рассеяны для нее.

— Мне пора домой, — бросила она с несколько преувеличенной небрежностью. — У Мариллы сегодня болела голова, а Дэви, боюсь, уже задумал очередную ужасную проказу. Мне не следовало уходить так надолго.

Она продолжала говорить без умолку, пока они не дошли до тропинки, ведущей к Зеленым Мезонинам. Бедный Гилберт едва мог вставить словечко в этот поток речей. Когда они простились, Аня вздохнула с облегчением. В том, что касалось Гилберта, в душе ее было какое-то новое, тайное чувство неловкости, возникшее в быстротечный миг откровения в саду Приюта Эха. Что-то чуждое вторгло в старую добрую дружбу — что-то, угрожавшее испортить ее.

«Наша дружба пострадает, если Гилберт не прекратит эти глупости, — думала она с обидой и грустью, шагая одна по тропинке. — Ну почему мальчишки не могут вести себя благоразумно!»

Но все мысли о безрассудных обожателях мгновенно вылетели у нее из головы, стоило лишь ей оказаться в кухне Зеленых Мезонинов, где, сидя на диване, горько плакал восьмилетний мальчик.

— Что случилось, Дэви? — спросила Аня, обняв его. — Где Марилла и Дора?

— Марилла укладывает Дору в постель, — всхлипывая, сообщил Дэви, — а я плачу потому, что Дора полетела с лестницы в погреб, прямо вверх тормашками, и ободрала нос, и...

— Не плачь, дорогой. Конечно, тебе жаль ее, но слезами горю не поможешь. Уже завтра она поправится...

— Я плачу не из-за того, что Дора упала в погреб, — с растущей горечью перебил Дэви. — Я плачу потому, что не видел, как она свалилась. Вечно-то я пропускаю все самое интересное.

— Дэви! — Аня подавила желание расхохотаться. — Ты называешь это интересным — увидеть, как бедняжка Дора упала с лестницы и ушиблась?

— Да она не очень здорово ушиблась, — возразил Дэви. — Вот если бы насмерть, то я, конечно, огорчился бы. Но нас, Китов, так запросто не убьешь. Я думаю, Киты не хуже Блеветтов. В прошлую среду Херб Блеветт упал с сеновала прямо в стойло к страшно злой лошади — прямо ей под копыта. И ничего — жив остался, только три кости сломаны. Миссис Линд говорит, что есть люди, которых невозможно убить даже топором. Аня, миссис Линд переезжает к нам завтра?

— Да, Дэви. Надеюсь, что ты всегда будешь приветливым и добрым по отношению к ней.

— Буду. Но если она будет класть меня спать, — сказал Дэви очень твердо, — я не буду читать при ней молитву, как делал это при тебе. Я думаю, нехорошо разговаривать с Богом в присутствии посторонних. Подожду, пока она уйдет, а уж тогда и прочитаю. Ведь так можно?

— Да, Дэви, если ты уверен, что не будешь забывать помолиться.

— Нет, я никогда не забуду! Читать молитву потрясающе интересно. Но, конечно, читать ее одному будет не так интересно, как при тебе. Хорошо бы ты осталась дома, Аня. Почему ты хочешь уехать и бросить нас?
10 Мать Милти Бултера говорит, что ты едешь в университет, чтобы подцепить там мужа. Это правда? Я хочу знать.

На секунду Аня вспыхнула от негодования, но тут же рассмеялась, напомнив себе, что глупо огорчаться из-за пошлости мыслей миссис Бултер.

— Нет, Дэви, неправда. Я еду, чтобы повзрослеть и многому научиться.

— Но если бы ты все-таки хотела подцепить себе мужа, как бы ты за это взялась? — настаивал Дэви, очевидно находивший в этой теме какое-то очарование.

— Об этом тебе лучше спросить у миссис Бултер, — ответила Аня не подумав. — Она, вероятно, лучше, чем я, знает, как это делается.

— Ладно, спрошу, как только ее увижу, — сказал Дэви серьезно.

— Дэви! Что ты говоришь! — воскликнула Аня, осознав свою ошибку.

— Но ты только что сама велела мне это сделать!

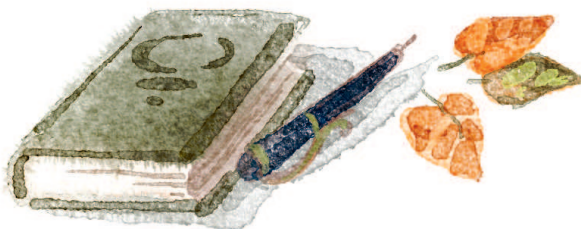
— Тебе пора в постель, — постановила Аня, пытаясь выкрутиться из неприятного положения.

После того как Дэви улегся, Аня вышла на прогулку. Она дошла до ручья и села в одиночестве на большой валун, прислушиваясь к дуэту ветра и воды. В воображении она плыла под парусами по сказочным морям, и кормчим на ее корабле была вечерняя звезда. И в этих мечтах Аня была куда богаче, чем в реальности, ибо то, что зримо, проходит и исчезает, но то, что незримо, живет вечно.

Глава 2 ВЕНКИ ОСЕНИ

13

Дни следующей недели пролетали быстро и незаметно, заполненные бесчисленными «последними делами», как называла их Аня.

Общество Содействия Развитию Авонлеи дало прощальный вечер в честь Ани и Гилберта в доме Джози Пай. Джози была необычно приветлива и даже снисходительно заметила:

— Это новое платье идет тебе, Аня. Ты кажешься в нем почти хорошенькой.

— Как это любезно с твоей стороны, — ответила Аня с лукавым блеском в глазах. Ее чувство юмора продолжало развиваться, и слова, которые обидели бы ее в четырнадцать, теперь могли лишь позабавить.

Вся «старая компания» присутствовала на этом вечере, полная веселья, юношеского задора и беспечности: Диана Барри, розовая и пухленькая, за которой как тень следовал верный Фред; Джейн Эндрюс, аккуратная, здравомыслящая и прямодушная; Руби Джиллис, которая, казалось, никогда не выглядела красивее и ярче, чем в этот день, в кремовой шелковой блузке и с красной геранью в золотистых волосах; Гилберт

Блайт и Чарли Слоан, старающиеся держаться как можно ближе к ускользающей от них Ане; Муди Спурджен Макферсон, чье круглое лицо и оттопыренные уши были такими же круглыми и оттопыренными, как всегда, и Билли Эндрюс, который весь вечер сидел в углу, с довольной усмешкой на широком веснушчатом лице наблюдая за Аней Ширли.

14 Ане было заранее известно о вечере, но она не знала, что во время него ей и Гилберту, как основателям Общества, будут вручены поздравительный адрес и памятные подарки: томик пьес Шекспира — ей и авторучка — Гилберту. Это было так неожиданно, и она была так польщена похвалами, содержащимися в адресе, который прочел вслух самым торжественным тоном Муди Спурджен, что ее глаза затуманились слезами.

Вечер доставил ей огромное удовольствие, но завершение его испортило почти все приятное впечатление. Гилберт снова совершил ошибку, сказав ей что-то нежное, когда они ужинали на залитой лунным светом веранде, и Аня, чтобы наказать его за это, сделалась очень благосклонна к Чарли Слоану и позволила последнему проводить ее домой. Впрочем, она вскоре обнаружила, что месть никого не задевает так сильно, как того, кто к ней прибег. Гилберт с беззаботным видом отправился провожать Руби Джиллис. Они неторопливо удалялись, и в прохладном неподвижном воздухе Аня долго слышала их веселые голоса и смех. Они прекрасно проводили время, тогда как на нее наводил скуку своими бесконечными речами Чарли Слоан. Аня порой рассеянно отвечала «да» или «нет» и думала о том, как красива была в этот вечер Руби, какие ужасно выпученные глаза у Чарли при лунном свете — хуже даже, чем при

дневном, — и что мир, пожалуй, не так уж хорош, как казалось ей совсем недавно.

Но на следующий вечер радость забила в ее сердце струей, словно из какого-то неведомого тайного источника, когда она увидела Гилберта, шагающего к Зеленым Мезонинам быстрой и уверенной походкой. Значит, Гилберт все-таки не собирался провести этот последний вечер с Руби!

— У тебя усталый вид, Аня, — заметил он.

— Да, я устала и раздражена. Устала, потому что весь день шила и упаковывала чемодан. А раздражена, потому что за этот день у нас успели побывать шесть соседок. Они хотели попрощаться со мной, и каждая дала мне понять, что, по ее мнению, это чистое безумие с моей стороны — пытаться получить степень бакалавра гуманитарных наук. Миссис Слоан со вздохом выразила надежду, что у меня хватит сил пройти весь университетский курс, и я сразу же увидела себя в конце третьего года учебы безнадежной жертвой нервного истощения. Миссис Райт, жена Эбена Райта, заметила, что четырехлетнее пребывание в Редмонде, вероятно, обойдется в ужасную сумму, и я окончательно убедилась, что непростительно с моей стороны выбрасывать деньги на такую прихоть, как учеба в университете. Миссис Белл выразила надежду, что я не допущу, чтобы университет испортил меня, как это бывает с некоторыми, и я почувствовала полную уверенность в том, что за четыре года учебы в Редмонде превращусь в невыносимую особу, которая смотрит сверху вниз на всех в Авонлее. Миссис Райт, жена Илайши Райта, предположила, что девушки в Редмонде, особенно те, которые постоянно живут в Кингспорте, «невероятно модно одеваются», и вы-

